

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РЕГИОНА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Галина Анатольевна ТКАЧЕВА,
кандидат исторических наук

В годы Великой Отечественной войны взаимоотношения между производителями сельскохозяйственной продукции и государством, сложившиеся в основном к середине 30-х годов XX в., не претерпели существенных изменений. Руководство сельским хозяйством было централизовано по территориально-производственному принципу и определялось постановлениями чрезвычайных и партийно-государственных органов власти.

Исследуя вопрос о перестройке работы тыловых районов страны, историки отмечают, что с потерей традиционных, наиболее значимых товарно-производительных регионов возросла роль восточных районов. Для дальневосточного региона это означало при приоритетном сохранении государственных интересов, максимально возможное самоснабжение населения и частей Дальневосточного фронта¹.

Исходя из абсолютных статистических величин, в годы войны общая численность основных категорий сельскохозяйственных производителей изменилась здесь незначительно: в 1940 г. насчитывалось 127 МТС и 1 283 колхоза, к концу войны — 129 МТС и 1 273 сельхозартели².

В Хабаровском крае по уставу сельскохозяйственной артели к середине 1945 г. действовало 750 колхозов (32 494 дворов и 130 765 чел.), из них в Амурской области — 505, в Еврейской автономной — 58 артелей. Производителей объединял 31 совхоз, в том числе 13 зерновых, 7 овощеводческих, 5 смешанных, по одному свиноводческому, коневодческому и оленеводческому союзной подчиненности и 3 пчелосовхоза республиканского Наркомата пищевой промышленности³.

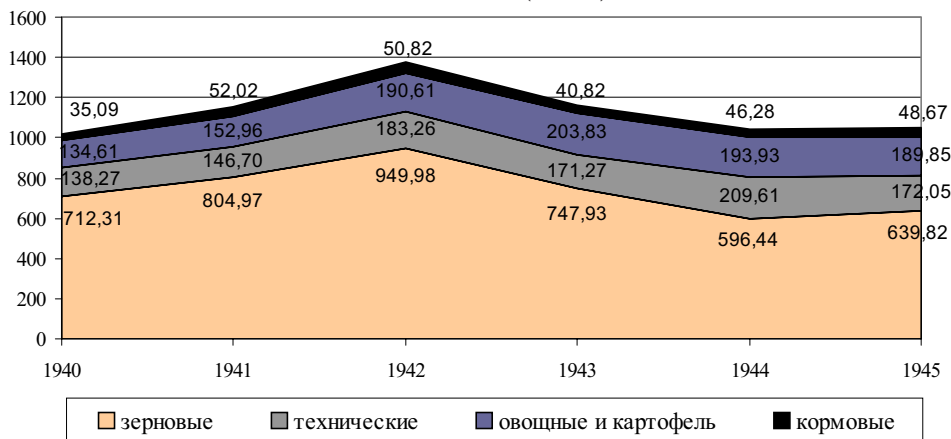
В Приморском крае на начало 1944 г. работали 472 сельскохозяйственные, 31 рыболовецкая и 9 охотничьих артелей с 33 629 хозяйствами; 35 совхозов, включая 17 союзного наркомата (10 зернового и 7 — оленеводческого направления), 7 — Наркомата пищевой промышленности РСФСР (3 пчелосовхоза, по одному свекло-, кормо-, соесовхозу и совхозу виноградарства), 2 — Наркомата внешней торговли, 5 — треста пригородных совхозов и 6 совхозов трансторгпита⁴.

Отношения между государством и производителями строились по традиционной схеме. Дополнительная концентрация средств осуществлялась прежде всего за счет отраслей гражданского профиля. Сократилось финансирование, материальные поступления не покрывали расходов по мобилизации и военно-строительным работам, а форсированное развертывание военно-промышленного комплекса, практически почти полное отсутствие государственных запасов вынуждало изымать из деревни все новые ресурсы, сокращая и без того ограниченные возможности дальневосточного региона.

Ухудшение комплекса технико-экономических составляющих в целом практически исключало возможность быстрого и ощутимого прироста сельскохозяйственной продукции. Это предопределило курс на расширение и изменение структуры посевов, развитие индивидуального и коллективного огородничества предприятий и учреждений.

Посевные площади всех сельскохозяйственных культур страны в 1940 г. равнялись 150,4 млн. га, в 1941 г. — 108,1 млн. га, а после сокращения до 87,7 млн. га в 1942 г. стали постепенно возрастать, составив в 1945 г. 113,5 млн. га (75,5% от уровня 1940 г.), что объясняется использованием в сельскохозяйственном производстве ранее оккупированных территорий. В тыловых районах посевные площади в 1942 г. увеличились до 77,7 млн. га (на 2,8 млн. га по сравнению с 1941 г.), но в 1943 г. вновь уменьшились до 66,4 млн. га, в 1944 г. — до 59 млн., в 1945 г. — до 57,6 млн. га. Таким образом, в тылу за годы войны произошло сокращение посевных площадей на 20,9% по отношению к предвоенному периоду⁵.

Диagramма 1
Динамика распределения посевных площадей Дальнего Востока
в 1940—1945 гг. (тыс. га)

На Дальнем Востоке общий прирост посевных площадей в пределах 19% по сравнению с 1941 г. произошел только в 1942 г., а в дальнейшем началось их постепенное сокращение почти до уровня последнего предвоенного года. Можно утверждать, что увеличение пахотных площадей под основные сельскохозяйственные культуры, при сокращении трудовых и материальных ресурсов, стало просто непосильной задачей для государственных и кооперативных хозяйств.

В колхозах и совхозах основных сельскохозяйственных районов, прежде всего Приморского края, Амурской и Еврейской автономной областей, произошло сокращение посевов. Камчатская, Сахалинская и Нижне-Амурская области, несмотря на колебания по годам, в целом увеличили площадь использовавшихся земель. Такая динамика объясняется изменением структуры посевов по основным категориям хозяйств.

Результаты по отдельным культурам внутри региона оказались также различными. Зерновой клин, главный в продовольственном балансе, увеличился в 1942 г. на 18%, но уже в 1943 г. засеяли на 21,3%, а в 1944 г. — на 20,3% меньше. В 1945 г. посевы зерновых составили около 80% уровня 1941 г.

В то же время по отдельным категориям хозяйств картина далеко не однородна. Уменьшение произошло: в колхозах — с 669,7 тыс. га до 480,7 тыс. га или в 1,4 раза, в совхозах — в 1,6 раза (с 104,9 тыс. до 66,1 тыс. га). Создавая кормовую базу для животноводства, подсобные хозяйства увеличили посевы зерновых с 28,5 тыс. до 84,8 тыс. (в 2,9 раза), колхозники — с 1,8 тыс. до 4,5 тыс. га (в 2,5 раза), рабочие и служащие города и села — с 0,31 тыс. до 1,03 тыс. га, или в 3,3 раза⁶.

К концу войны в два раза больше земельных угодий отводилось под рожь, под просо — в четыре раза, под кукурузу — в шесть раз, горох и фасоль — в пять раз, но в полтора раза уменьшилась «запашка» под пшеницу, в 1,3 раза под овес. Крупяные культуры, в частности рис, культивирувались в Приморье, где посевы остались приблизительно на уровне предвоенного времени, в то время как в Хабаровском крае сократились наполовину. Если взять за отсчет 1940 г., то гречиха стала занимать в два раза больше площадей. С изменением объемов посевов соответственно распределился их удельный вес.

Таблица 1

Динамика распределения посевов зерновых культур Дальнего Востока по видам в 1941—1945 гг. (тыс. га)

Год	Виды зерновых культур								
	рожь	пшеница	овес	ячмень	просо	гречиха	кукуруза	рис	горох
1941	18,14	398,47	320,62	21,19	6,67	31,49	2,48	5,19	0,69
1942	23,79	448,59	372,97	28,59	19,39	45,30	2,60	4,99	1,91
1943	43,70	324,42	279,35	24,51	17,13	37,71	4,37	3,90	3,80
1944	33,45	213,54	242,66	21,04	27,08	32,84	13,33	3,56	4,96
1945	36,65	251,16	242,03	22,03	26,68	35,96	15,01	4,32	3,49

Примечание. ГАПК. Ф. 131, оп. 1, д. 116, л. 13—19; ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 3, л. 1, 11, 12, 13, 14, 15, 16 (сост. авт.).

Для примера: в тыловых районах СССР зерновые посевы сократились по отношению к 1941 г. на 24,8%. За исключением гречихи и кукурузы, выращивавшихся на зерно, земельные площади всех остальных зерновых культур ко времени окончания войны уменьшились. В то же время кривая посевов озимой ржи и пшеницы в 1941—1943 гг. имела устойчивую тенденцию роста и равнялась соответственно 1 726 тыс. и 662 тыс. га к предвоенному году⁷.

Технические культуры стали занимать все больше места в сельскохозяйственном производстве Дальнего Востока. Их посевы увеличились в 1945 г. на 24,4%. Необходимо сказать о значимости таких культур, как подсолнечник (выращивался в основном на юге Хабаровского края) и соя. В силу необходимости стали выращивать табак, занимая под него довольно большие площади, значительно увеличились посевы льна, требовавшие больших трудовых затрат.

Особая ситуация складывалась с посевами огородной продукции и картофеля. Наибольшие показатели были отмечены в 1943 г., они увеличились по сравнению с 1940 г. на 5,5 тыс. га или в 1,5 раза, а в 1945 г. — на 69,2 тыс. га. Ко времени окончания войны по сравнению с начальным ее этапом, посевы картофеля возросли почти на 30%, овощей — на 19,3%. В регионе подсобные хозяйства занимали под картофель соответственно 20,9 тыс. и 45,76 тыс. га, овощи — 9 тыс. и 15,6 тыс. га. Рабочие и служащие сажали картофель в 1941 г. на 19,8 тыс. и в 1945 г. на 40 тыс. га, овощи соответственно — на 4 тыс. и 8,7 тыс. га⁸.

Таблица 2

Динамика распределения посевов культур Дальнего Востока по видам в 1941—1945 гг. (га)

Год	Виды культур								
	соя	подсолнечник	лен	конопля	табак	свекла	картофель	овощи	бахча
1941	128 085	8 312	1 230	13	2	5 000	109 040	39 240	4 570
1942	157 679	8 945	1 804	16	2 263	7 100	137 870	48 340	4 400
1943	146 735	9 406	1 231	178	3 353	8 300	151 870	48 870	3 020
1944	187 353	10 407	1 274	472	2 537	5 500	141 200	50 680	1 950
1945	153 121	9 633	962	400	1 518	5 100	141 410	46 850	1 590

Примечание. Некоторые расхождения с общими итогами объясняются погрешностями при округлении. ГАПК. Ф. 131, оп. 1, д. 116, л. 19; ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 3, л. 1, 11, 12, 13, 14, 15, 16 (сост. авт.).

Кормовые культуры (однолетние и многолетние травы — клевер, люцерна, кормовая тыква, свекла и др.) по сравнению с 1941 г. ежегодно занимали все меньшие площади и только с 1944 г. начинался постепенный рост, который в целом не компенсировал потери.

Таким образом, основное сельскохозяйственное производство было сосредоточено в кооперативной и государственной собственности и, как ни одно другое, имело резкие территориальные различия. Южные районы Приморского и Хабаровского краев считались поставщиками товарной продукции, северные — Камчатка и Сахалин — обеспечивали, в лучшем случае лишь часть собственных нужд.

Война оказала разрушительное действие на производительные силы сельского хозяйства. Военные мобилизационные планы предусматривали передачу материально-технических средств соответствующим оборонным ведомствам.

Прежде всего сократились мощности машинно-тракторного парка. В 1940 г. сельское хозяйство страны получило 20,3 тыс. тракторов, 12,8 тыс. зерноуборочных комбайнов, 17,5 тыс. грузовых машин. В 1941 г. уже значительно меньше — соответственно 6,9 тыс., 6,1 тыс., 2,7 тыс. единиц техники, а в последующие два года — только 990 тракторов. В 1945 г. тыловые районы располагали 245,5 тыс. тракторами, против 294,9 тыс. в 1940 г., 104,9 тыс. зерноуборочными комбайнами против 105,4 тыс. в первый год, 36,6 тыс. грузовыми автомобилями против 118,6 тыс. в 1940 г.⁹

При общем сокращении тягловых ресурсов в колхозах и МТС СССР к 1945 г. на 6,5 млн. лошадиных сил или на 40% по отношению к 1940 г., «живое тягло» самих колхозов сократилось на 3,8 млн. лошадиных сил или на 49%, механическое — на 2,7 млн. или на 32,1%. К этому необходимо добавить, что вместо 146 тыс. автомашин, которые имели колхозы и МТС в 1940 г., у них к окончанию войны осталось только 20 тыс. автомобилей¹⁰.

Противоречие между необходимостью и реальностью порождало особую ситуацию. Информационная записка ЦК ВКП(б) от 7 июля 1941 г. отмечала факты саботажа выполнения мобилизационных планов. Отдельные руководители хозяйственных и советских организаций не выполняли разнарядки о поставках в Красную Армию автомашин, тракторов и гужевого транспорта или поставляли плохого качества, с недостаточным количеством запасных частей и инструментов¹¹.

Речь, конечно, не идет о простом изъятии материальных ценностей, но когда решался вопрос о приоритетах, то вектор всегда поворачивался в сторону военно-промышленного комплекса. К июню 1941 г. в МТС

Хабаровского края имелось 4 198 тракторов. Это составляло 24% от мощности тракторного парка в довоенный период¹².

Сокращение технических возможностей сельского хозяйства дальневосточного региона продолжалось на протяжении всех военных лет. По текущим данным централизованного учета в машинно-тракторных станциях Дальнего Востока насчитывалось в 1940 г. 7 110 тракторов, в 1941 г. — 5 938, в 1942 г. — 5 993, в 1943 г. — 5 915 тракторов всех марок. К началу 1945 г. в совхозах численность и мощность тракторов всех марок по отношению к началу 1941 г., уменьшились в 1,5 раза, по РСФСР — в 1,8 раза¹³.

В Приморье к концу 1945 г., к уровню 1940 г., количество тракторов сократилось на 19,8%, а мощность — на 20,4%, грузовых машин — на 30,5%, комбайнов, которые не требовались фронту, — на 2,6%. В Хабаровском крае количество условных тракторов уменьшилось в 1,6 раза, а комбайнов — в 1,5 раза. По сопоставимым показателям здесь насчитывалось в 1941 г. 2 359 условных 15-сильных тракторов и 501 условный 15-футовый комбайн, в 1942 г. соответственно — 2 107 и 478, в 1943 г. — 1 660 и 384, в 1944 г. — 1 732 и 380, в 1945 г. — 1 468 и 329 единиц¹⁴.

Ослабление материально-технической базы деревни произошло не только за счет уменьшения физических единиц. Еще в предвоенный период объем поставок новой техники значительно опережал процесс создания ремонтно-реставрационной базы, не говоря о военном времени. Так, в Приморье на 51 машинно-тракторную станцию приходилось 30 мастерских, из них две самостоятельные (Черниговская и Чернореченская) производили капитальный ремонт. Что касается требований по организации передвижных ремонтных баз (на 20 тракторов — одна база), то в сложившихся условиях фактически это было невыполнимо. Если до войны в край завозили запасных частей ежегодно на сумму 10—13 млн. руб., то в 1943 г. — всего на 1,3 млн. руб.¹⁵

В Хабаровском крае к концу войны только 5 МТС располагали типовыми мастерскими, а остальные — примитивными ремонтными, причем некоторые (Мухинская, Шимановская, Беловежская, Завитинская) вовсе их не имели. Для поддержания машинно-тракторного парка требовалось строительство как минимум 14(!) новых ремонтных баз и подкрепление существовавших станочным и силовым оборудованием. В 77 МТС насчитывалось 135 станков, из них не подлежали восстановлению 52 старых марок, полученных еще в период организации МТС. Требовали капитального ремонта 54 станка. В 34 МТС с численностью 40—50 тракторов и 15—20 комбайнов и соответствующим количеством прицепных орудий, имелось только по 1 станку, что совершенно не обеспечивало выполнение токарных работ. В 21 МТС не было ни электросварочных, ни газосварочных аппаратов, а в качестве двигателей в 32 МТС использовались комбайновые и тракторные моторы. Тем самым полученные 17 электрифицированных импортных станков можно было пустить в эксплуатацию только при наличии электроэнергии переменного тока. Из выделенных краю на основании постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1945 г. 44 металлорежущих станка и 20 электросварочных агрегатов поступило 19 станков и 11 электросварочных агрегатов¹⁶.

Сокращение материально-технической базы в какой-то мере компенсировалось установлением прямых производственных связей. Размеры и формы экономической помощи были различны. Изготовление и ремонт сельскохозяйственной техники производились в цехах заводов и железнодорожных депо. Дальневосточная деревня получала оборудование

и инструменты, необходимые детали, дополнительную рабочую силу, без чего успешное проведение сельскохозяйственных работ было невозможно. В то же время выполнение оборонных заказов не позволяло развернуть серийное производство основных сельхозмашин и оборудования. Для этого требовалось очередное перепрофилирование и кооперирование целого ряда предприятий.

Если рассмотреть техническую оснащенность сельского хозяйства дальневосточного региона более подробно, то можно констатировать, что средняя нагрузка, как плановая, так и списочная (при сокращении посевных площадей), на условный трактор или комбайн была невелика. В действительности, когда некоторые машины не принимали участия в полевых работах, а другие работали с низкой производительностью, практическая нагрузка была значительно выше.

Большая часть машинно-тракторного парка поступила на Дальний Восток к концу 30-х годов. Так, из 3 512 тракторов МТС Хабаровского края было завезено до 1936 г. примерно 1 948, в 1936/37 г. — 1 026, в 1938/39 г. — 538 единиц техники¹⁷. Их работоспособность поддерживалась за счет реставрации одних и тех же деталей, которые быстро выходили из строя и вновь требовали замены.

Прекращение обновления машинно-тракторного парка, нехватка запасных частей, неопытность новых механизаторских кадров, непрофессиональное обслуживание техники вели к ее изношенности. На весеннем севе 1943 г. трактора Уссурийской МТС приходилось ремонтировать по 5—6 раз и вместо ежедневного норматива — 20 тыс. га обрабатывалось всего лишь 6,5—10 тыс. га. Простой составили 2 675 часов. Свиягинская МТС по этой же причине потеряла 41,2% рабочего времени. Молотовская МТС, израсходовав годовую потребность горючего, выполнила план всего на 27%, Яковлевская — на 33%¹⁸.

В летний период 1944 г. не участвовало в сельскохозяйственных работах в Хабаровском крае 631 трактор, в 1945 г. — 390 тракторов, в том числе 262 гусеничных. Из-за увлажненности почвы 2 130 колесных тракторов или совсем не работали или работали с низкой производительностью. В течение нескольких лет 160 комбайнов из 1 720 не участвовали в уборочных работах. К слову, в 1941 г. в крае имелось 26,6 тыс. рабочих лошадей, в 1943 г. — 23,3 тыс., в 1945 г. — 20 тыс.¹⁹

Большая часть машин не восстанавливалась из-за изношенности основных узлов, изготовление которых было невозможно на промышленных предприятиях региона — блоков двигателей, коленчатых валов, корпусов задних мостов, деталей топливной аппаратуры, звеньев гусениц, шариковых и роликовых подшипников.

Однако даже оставшаяся техника полностью не использовалась из-за нехватки горюче-смазочных материалов. Выделявшиеся правительством лимиты для проведения сезонных сельскохозяйственных кампаний изначально были недостаточны, а изношенные машины потребляли гораздо больше горючего. Так, распоряжением Совнаркома СССР от 29 июля 1943 г. за № 14414-р для проведения уборочных работ выделялось 7 т горючего Приморскому и 12 т — Хабаровскому краям, в то время как на один гектар условной пахоты сжигалось по самым общим подсчетам на 10—12% горючего больше, чем в довоенное время²⁰.

Еще хуже обстояло дело с прицепными сельскохозяйственными машинами. По итоговой отчетности 1945 г. в колхозах Приморского края имелось в наличии 3 753 конных плуга вместо 5 408 плугов в 1940 г., 11 029 борон (в 1940 г. — 14 291), 1 408 сенокосилок (в 1940 г. — 2 043),

1 257 сеялок и сортировок (в 1940 г. — 1 607), 711 жаток (в 1940 г. — 1 385) 201 сеялка (в 1940 г. — 577), причем большая их часть изнашивалась и не использовалась²¹.

В МТС Хабаровского края на конец войны числилось 5 800 тракторных плугов, в том числе более совершенной конструкции марки ТС-535 только 1 100, тракторных сеялок — 2 369 (было завезено до 1936 г. 2 350 единиц), тракторных культиваторов — 1 672. По текущей отчетности, 25% прицепного инвентаря пришло в полную негодность. Для примера, 2,6 тыс. плугов (марок ТП-4 и ТП-45) не имели осей, колес, лемехов и отвалов²².

Значительную роль в традиционном крестьянском хозяйстве играл и рабочий скот, численность которого неуклонно сокращалась. Его недостаток в какой-то мере компенсировался увеличением нагрузки, но только до определенного предела. В дальнейшем интенсивность эксплуатации требовала дополнительных затрат по уходу, что в условиях диспропорции между кормовыми и продовольственными культурами было труднодостижимо.

С другой стороны, неудовлетворительное состояние конно-транспортного и шорного инвентаря сказывалось на хозяйственной деятельности. Так, к концу войны в колхозах Приморского края на 11,2 тыс. рабочих лошадей приходилось 9 тыс. комплектов сбруи. Имелось всего 7 тыс. телег, что с учетом 2 787 волов и минимальной потребности в 10 тыс. было явно недостаточно, а если учесть еще и износ, то разрыв был еще более значителен²³.

Плановые задания, судя по отчетности, не выполнялись на протяжении всех военных лет практически по всему Дальнему Востоку. Так, выработка в пересчете на 15-сильный трактор МТС Хабаровского края (без Сахалинской области) составила в 1941 г. 270 га, в 1942 г. — 204, в 1943 г. — 185, в 1944 г. — 182, в 1945 г. — 174 га мягкой пахоты, а на 15-футовый комбайн соответственно 212, 202, 169, 147, 160 га²⁴. В Приморском крае наблюдалась аналогичная картина. Выработка на условный «среднегодовой трактор» равнялась в 1941 г. 423,9 га, в 1942 г. — 414,4, в 1943 г. — 358,6, в 1944 г. — 324, в 1945 г. — 309,7 га мягкой пахоты. Условный «среднегодовой комбайн» убрал соответственно по годам: 186,2 га; 192,9; 160,8, 172,3, 201,1 га²⁵.

Невыполнение плана машинно-тракторных работ ставило производителей в труднейшее положение, приводило к срыву агротехнических мероприятий. Особенно тяжело приходилось многоземельным дальневосточным колхозам, которые до войны справлялись с нагрузкой за счет механизации основных полевых работ.

Безусловно, можно говорить о недостаточно эффективном использовании машинно-тракторного парка. Данный факт всегда подчеркивали партийно-советские руководители всех рангов, не справляясь с полевыми работами и уборкой урожая в рекомендованные временные рамки, оставаясь без семенного фонда и фуража для животноводства²⁶.

Заседание оргбюро ЦК ВКП(б) от 30 августа 1944 г. отметило, что неудовлетворительная работа МТС являлась одной из основных причин ухудшения дел в сельском хозяйстве Приморского края. Однако вина была возложена на руководство Приморского крайкома партии, которое не приняло должных мер к созданию ремонтной базы, не обеспечило своевременного ремонта тракторов²⁷.

В данном случае имели место как объективные, так и субъективные факторы. При всех недостатках уровень механизации полевых работ на

Дальнем Востоке оставался относительно высоким. В 1940 г. посев яровых культур в колхозах был механизирован на 88,9%, озимых — на 94,7%, а в 1945 г. эти показатели уменьшились до 82,0 и 85,4% соответственно. В 1940 г. комбайнами было убрано 84,7% зерновых, а в 1945 г. — 76,4%. Что касается средних показателей по РСФСР, то в 1945 г. в колхозах республики посев яровых был механизирован на 36,5%, озимых — на 39,8%, комбайнами было убрано всего лишь 29,6% зерновых культур²⁸.

Однако, с другой стороны, сосредоточение основной сельскохозяйственной техники в государственной собственности ставило производителей в экономически зависимое положение. Заклучая в начале года типовой договор по расчетам натурального и финансового характера на использование техники, машинно-тракторные станции практически диктовали свои условия. Размер натуроплаты не зависел от запланированных объемов работ. Он начислялся по биологической урожайности, исходя из данных районной межведомственной комиссии в составе уполномоченных партийных и советских органов, МТС и Наркомата заготовок СССР за 15 дней до начала уборки соответствующей культуры.

Натуральная оплата МТС дальневосточного региона в связи с существовавшими льготами по обязательным поставкам была выше, чем в средней полосе. При урожайности 7—9 ц с гектара начислялось в Приморском и Хабаровском краях, Читинской области за подъем паров, зяби и весеннюю вспашку 70 кг на трудодень, вспашку под озимые — 45, косьбу — 30, посев — 12, дискование, культивацию, лушение — 7,5, боронование — 2 кг на трудодень. Эти же показатели в Горьковской, Ивановской, Калининской областях составляли соответственно 50, 30, 21, 8, 5, 2 кг²⁹.

Таким образом, ставки натуроплаты не учитывали неизбежные потери и уровень производительности труда, не стимулировали материальной заинтересованности, что заранее предопределяло административный нажим. Во многих случаях договоры МТС с колхозами превращались в формальность и сводились к условиям сдачи напрокат сельхозмашин. К слову, эта же мысль прозвучала и на пленуме Приморского крайкома партии 5—6 октября 1944 г.³⁰, но изменить положение, зависевшее от запланированных заранее централизованных поставок технических средств и горюче-смазочных материалов, не было никакой возможности.

В планах военного времени предусматривалось большее, чем обычно применение простейших механизмов и орудий ручного труда. Упрощались приемы земледелия. Так, в колхозах Приморского края сортовые посевы не сохранились даже на уровне 70,5% предвоенного времени, составив к концу войны 52%. В 1943 г. 25% зерновых были поражены луговой совкой, и колхозы потеряли не менее 20 тыс. т зерна. Севообороты, составленные канцелярским способом в земельных отделах без участия заинтересованных производителей, вводились только в 10—25% колхозов и охватывали 24—34% пашни. Кроме этого, ухудшилось качество: стремясь быстрее справиться с заданием, применяли метод агрегатного сева (одновременная вспашка, боронование и сев). Резко сократилось использование удобрений. Если в 1940 г. было внесено 76,1 тыс. т навоза и 6,6 тыс. т минеральных удобрений, то в 1945 г. — 107 тыс. т навоза, 779 т золы и 407 т птичьего помета, 997 т удобрений³¹.

Повысить производительность труда стремились методами административно-правового воздействия. В колхозах и совхозах вводилась бригадная и звеньевая система, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. повышался обязательный минимум трудодней. В зависимости от региона каждый работоспособный член сельхозартели

должен был выработать в год не менее 100—150 трудодней, (подростки в половинном размере), с основной долей трудового участия в важнейшие периоды сельскохозяйственных работ. Злостные нарушители трудовой дисциплины исключались из колхоза, лишались приусадебных участков, приговаривались по решению суда к исправительно-трудовым работам сроком до 6 месяцев с удержанием 25% заработка. Были и поощрительные стимулы: авансирование и дополнительная оплата труда при перевыполнении плана, премирование победителей социалистического соревнования и первоочередное предоставление социальных льгот.

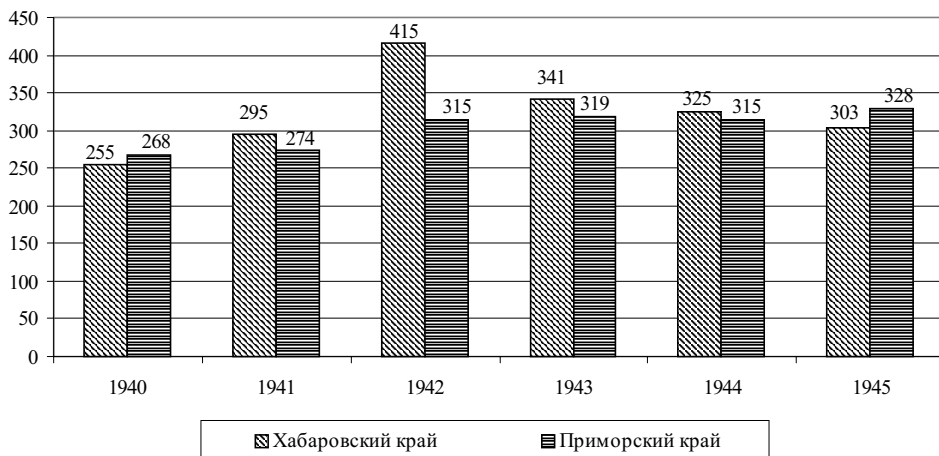
При всех явных и скрытых просчетах, например, не учитывались объективные возможности различных социальных групп при ярко выраженной специализации районов, закон способствовал увеличению трудовой активности непосредственных производителей. По расчетам центральных статистических органов военных лет, в 1940 г. в СССР было выработано 9,3 млрд. трудодней, в 1944 г. — 6,9 млрд., и на один гектар посева приходилось соответственно 79 и 84 трудодней. Каждый трудоспособный колхозник в среднем отработывал в 1940 г. 258 трудодней, в 1943 г. — 334, в 1944 г. — 351 трудодень. Не выработывали минимума трудодней в 1940 г. 6,4% мужчин и 18,3% женщин, в 1943 г. — 7,0% и 15,3%, в 1944 г. — 5,2% мужчин и 12,7% женщин. Не участвовали в общественном производстве соответственно по годам 1,0%, 0,5%, 0,4% трудоспособных мужчин и 2,4%, 0,8%, 0,7% трудоспособных женщин³².

Этот же источник сообщает, что трудовое участие дальневосточников в производстве сельскохозяйственной продукции превышало общесоюзные показатели, составив по Дальнему Востоку в 1940 г. 284, в 1943—388 трудодней на одного трудоспособного³³.

Данные местных статистических органов рисуют более подробную картину, но с другой динамикой. Исходя из произведенных расчетов, в среднем на одного трудоспособного колхозника по Дальнему Востоку приходилось в 1940 г. 267 трудодней, в 1941 г. — 285, в 1942 г. — 365, в 1943 г. — 330, в 1944 г. — 320, в 1945 г. — 316 трудодней.

Диаграмма 2

Динамика выработки трудодней на одного трудоспособного колхозника
в 1940—1945 гг.

В Приморском крае один трудоспособный мужчина в 1940 г. вырабатывал 320 трудодней, женщина — 201, в 1945 г. — 436 трудодней приходилось на среднестатистического мужчину, 267 — на женщину, 108 — на подростка и 190 — на престарелого. Не принимали участия в общественном производстве в 1940 г. 0,6% трудоспособных членов артели. В 1945 г. таких было 0,3%, а установленный минимум трудодней не выработали 1 726 чел., или 4,8% трудоспособных, 3 635 подростков или 32,8% данной категории. Увеличился удельный вес колхозников с максимальной выработкой трудодней. Так, до 100 трудодней имели в 1940 г. 16,3% учетных лиц, в 1945 г. — 6,3%, до 200 трудодней — 30,8 и 27%, до 300 трудодней — 16,6 и 24,7%, до 400 трудодней — 17,4 и 17%, свыше 400 трудодней — 18,3 и 24,7% учетных лиц³⁴.

По Хабаровскому краю (без Сахалинской области) не участвовали в общественном производстве в 1943—1945 гг. от 50 до 165 взрослых трудоспособных колхозников и только 5% не вырабатывали установленного минимума трудодней. Прослеживается ярко выраженная тенденция увеличения числа взрослых трудоспособных колхозников с выработкой до 300 трудодней — 21%, до 400 трудодней — 12% и свыше 400 трудодней — 14—15%. Среди подростков с 1942 г. не участвовали в общественном производстве 5—8% и не вырабатывали установленного минимума с тенденцией понижения 33—27% при увеличении удельного веса подростком с максимальными показателями до 5% и средними — до 13%³⁵.

Исследуя рост выработки по отдельным регионам, Ю.В. Арутюнян приводит сопоставимые данные³⁶, которые позволяют предположить, что среднегодовая выработка трудодней на Дальнем Востоке была на порядок выше среднестатистической и несколько не ниже достигнутого предельного уровня отдельных районов. Основные показатели работы колхозов в тыловых районах подтверждают данный тезис³⁷.

Как бы то ни было, но во время войны труженики дальневосточного региона несли максимальную нагрузку. Так, по самым осторожным статистическим расчетам (учитывались минимальные объемы посевов при максимальной численности занятых), в среднем на одного трудоспособного колхозника приходилось в 1941 г. — 7,2 и 1945 г. — 7,8 га. В отдельные военные годы, по информационным сообщениям, этот показатель варьировался от 10 до 13 га, а в полеводстве была достигнута вообще рекордная для СССР цифра — 15 га³⁸. Для сравнения, по стране один трудоспособный человек теоретически обрабатывал в 1940 г. 3,3 га посевных площадей, в 1943 г. — 4, в 1944 г. — 3,7 га³⁹.

Незначительное количество трудодней вырабатывали члены тех колхозных дворов, где остальные трудоспособные были заняты на постоянных, хорошо оплачиваемых работах (шоферы, трактористы, работники ферм). Такая семья обеспечивалась зерном по трудодням и могла уделять больше внимания личному подсобному хозяйству, производя продукцию не только для себя, но и на рынок.

Материалы показывают, что в Приморье за годы войны было исключено из колхозов по разным причинам 1 271 чел., в том числе 115 чел. как не вырабатывавшие минимума трудодней. Штрафы применялись даже к тем членам семьи, которые, имея более 100 трудодней, не выходили на работу без уважительных причин. Для большей заинтересованности в общественно-полезном труде предлагалось, в частности уполномоченным партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Приморскому краю, ограничить приусадебный участок до 0,25 га, численность крупного рога-

того скота и свиней — до одной единицы, коз и овец — до 10 голов, птицы — до 15—20 штук и пчелосемей — до 10 ульев⁴⁰.

Дневная норма выработки в зависимости от затраченного труда оценивалась по сдельной тарифной сетке в трудоднях. Их начисление производилось на основании примерных норм выработки, которые были утверждены Наркоматом земледелия СССР в 1933 г. и действовали почти без изменений до 1948 г. Все занятые сельскохозяйственным производством с учетом квалификации, сложности и важности выполняемой работы разбивались на семь групп. Первая группа с низкой квалификацией (уборщица, сторож) оценивалась в 0,50 трудодня, вторая — в 0,75, третья — в 1,0, четвертая — в 1,25, пятая — в 1,50, шестая — в 1,75, седьмая группа, требовавшая самой высокой квалификации (машинисты, механизаторы) — в 2,00 трудодня за установленную дневную норму выработки. Начисление трудодней в животноводстве производилось за определенный период, например, дояркам — каждые 15 дней (в зависимости от надоенного молока и числа обслуживаемых коров), скотницам — за откорм скота по результатам привеса⁴¹.

В начислении трудодней не было никакой унификации. Оценка затраченного труда даже в пределах отдельного района различалась. Фактически доля денежных и натуральных доходов каждого труженика определялась субъективно. Зачастую сторожить контору было выгоднее, чем работать в поле или на ферме. Повышение норм выработки скорее всего выполняло функцию административного фактора, но не побудительного мотива роста производительности труда.

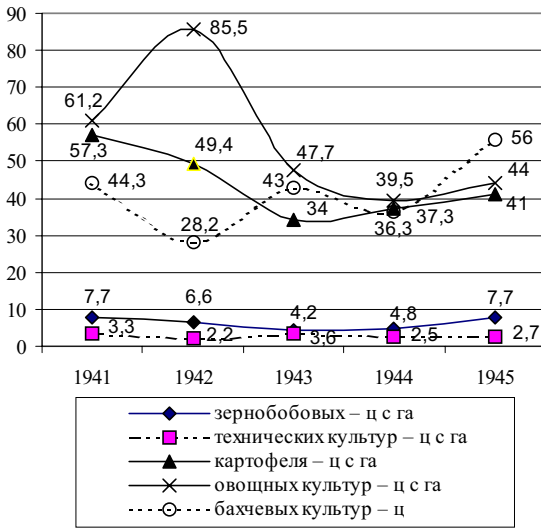
Сокращение механизации основных работ неизбежно вело к увеличению интенсивности сельскохозяйственного труда, продолжительности рабочего дня, росту физических усилий. Если в промышленности производительность за годы войны в целом выросла на 14%, то в колхозах, совхозах и на других сельскохозяйственных предприятиях она снизилась на 40%⁴².

Снижение уровня механизации, сокращение рабочей силы приводило к невыполнению планов агротехнических мероприятий, к затяжке полевых работ. Посевы при неблагоприятных условиях для развития давали все меньшую отдачу. Показатели местных статистических органов, имеющие большую степень достоверности, свидетельствуют, что урожайность в хозяйствах государственной и кооперативной собственности Хабаровского края (без Сахалинской области) зерновых культур не имела резких различий. Она понизилась с 9,9—9,6 ц с гектара в 1941 г. до 5,1—5,5 ц в 1944 г. Сборы картофеля в совхозах были выше: в 1941 г. они равнялись 80 ц с га (аналогичные колхозным), в 1945 г. — 70 ц (в колхозах 60 ц). Такая же тенденция наблюдалась и по овощным культурам. Урожайность 1941 г. определялась в колхозах 88 ц с га, совхозах — 77 ц, в 1945 г. — соответственно 46 и 67 ц овощей с гектара⁴³.

По годовым отчетам кривая фактической урожайности в колхозах Хабаровского края имеет другой вид. За военные годы она составила 6,2 ц зерновых, 2,9 — технических культур, 43,8 — картофеля, 55,6 — овощей, 41,6 ц — бахчевых культур с га посевов.

Показатели по Приморскому краю, утвержденные Центральным статистическим управлением, позволяют провести более подробную сравнительную характеристику. В общей сложности урожайность на личных участках колхозников, рабочих и служащих была на порядок выше по всем показателям. Особенно значительные различия наблюдались по картофелю и овоще-бахчевой продукции. Так, за военный период средняя

Диagramма 3
Динамика урожайности в колхозах
Хабаровского края в 1941—1945 г. (ц)

урожайность картофеля составила в колхозах 70 ц, совхозах — 64,2 ц с га, овощных культур соответственно 53,3 ц и 69,2 ц. Колхозники собирали с гектара 98 ц картофеля и 89,8 ц овощей, рабочие и служащие в пределах 87,6 ц того и другого. Что касается годовых параметров, то повсеместное падение урожайности в 1,3—1,5 раза наблюдалось до 1943 г. (во многом было связано с неблагоприятными погодными условиями) и продолжалось в колхозах по всем видам культур, в совхозах — по картофелю и овощам.

Таблица 3
Урожайность основных культур в Приморском крае за 1940—1945 гг. (ц)

Годы	Все категории хозяйств			Колхозы			Совхозы и подсобные хозяйства			Колхозники			Рабочие и служащие		
	зерновые	картофель	овощи	зерновые	картофель	овощи	зерновые	картофель	овощи	зерновые	картофель	овощи	зерновые	картофель	овощи
1940	11,9	84,9	Н/с	12,0	88,0	64,0	11,2	74,0	Н/с	11,8	88,0	Н/с	11,0	88,0	Н/с
1941	9,8	87,0	100,6	9,3	68,0	58,9	10,3	77,0	88,0	8,4	120,0	120,	9,5	118,0	118,0
1942	8,0	88,0	98,8	7,9	84,0	64,0	8,4	84,0	77,0	7,4	115,0	115,0	Н/с	109,0	118,0
1943	7,7	64,0	68,4	8,3	70,0	57,0	4,6	56,0	69,0	7,0	77,0	70,0	Н/с	63,0	72,0
1944	7,8	70,0	51,0	8,1	65,0	43,1	6,4	53,0	55,7	10,0	89,2	80,4	7,3	77,0	73,0
1945	9,3	69,8	59,1	8,2	63,3	43,6	7,7	50,8	55,9	10,5	89,3	63,6	10,1	71,2	56,8

Примечание. Урожайность за 1940—1944 г. утверждена ЦСУ СССР. ГАПК. Ф. 131, оп. 1, д. 104, л. 1—6 (сост. авт.)

Фактическая урожайность была ниже. Для примера, в Шмаковском районе Приморского края урожайность зерновых культур уменьшилась с 8,2 ц в 1940 г. до 5,48 ц в 1944 г., картофеля с 50 до 24,4 ц, сои — с 4,6 до 3,4 ц, овощных культур с 62 до 20 ц⁴⁴.

В этой связи целесообразно дать некоторые пояснения. Между государственными структурами и производителями по этому вопросу всегда существовало непреодолимое противоречие, которое напрямую касалось объемов поставок сельскохозяйственной продукции и, естественно, одни были склонны к преувеличению урожайности, а другие — к занижению. Приказ Госплана СССР от 12 июня 1944 г. за № 945 недвусмысленно указывал уполномоченным на тщательную проверку выполнения государственных заданий, направленных на повышение урожайности⁴⁵.

Различия в урожайности по категориям хозяйств объясняются, во-первых, значимостью личного хозяйства в продовольственной потребительской корзине населения. Во-вторых, повышение индивидуальной трудовой нагрузки не компенсировало общих потерь дальневосточной деревни, особенно при выращивании трудоемких технических и овощебахчевых культур. Безусловно, следует учитывать и мотивацию к труду, а точнее, ее слабое материальное подкрепление.

Ослабление материально-технической базы сельского хозяйства, острый дефицит трудовых ресурсов ухудшили состояние основных отраслей сельскохозяйственного производства. Используя подсчеты Ю.В. Арутюняна, можно сделать вывод, что на всем протяжении военных лет валовой выход продукции уменьшался из года в год (за исключением 1945 г., когда произошло повышение по сравнению с предыдущим годом) и составил за 1941—1945 гг. 16 677,8 тыс. ц — 1,49% валового сбора РСФСР за эти же годы⁴⁶.

Погодные условия в дальневосточном регионе были не очень благоприятны для сельскохозяйственного производства. В 1943 г. посевы Юга Хабаровского края пострадали от избыточного увлажнения почвы, а в 1944 г. засуха охватила сельскохозяйственные районы Амурской и Еврейской автономной областей, где было сосредоточено почти 90% посевных площадей края⁴⁷.

Особенно сильно пострадало Приморье от засухи 1942 г. и обильных дождей 29—31 августа 1943 г., которые вызвали сильнейшее (аналогичное наблюдалось в 1927 г. и 1938 г.) наводнение. По предварительным подсчетам, было затоплено 31,8 тыс. га посевов, из них полностью погибло 15,7 тыс. и частично (от 50% до 90%) — 16,2 тыс. га. Помимо этого было уничтожено полностью 36,4 тыс. и частично 17,2 тыс. ц необмолоченного зерна. Погибло полностью 202,4 тыс. ц сена, 82,4 тыс. ц соломы, 8,3 тыс. ц силоса и частично — 22,5 тыс. ц сена, 8 тыс. ц соломы и 1,2 тыс. ц силоса⁴⁸.

Неблагоприятные погодные условия сказались на снабжении населения и кормовой базе для животноводства. По данным государственного страхования, потери от наводнения составили более 27 тыс. т зерна. За счет децентрализованных заготовок в колхозах, подсобных хозяйствах предприятий, пригородных совхозов планировалось получить 65 тыс. т овощей и 97 тыс. т картофеля. Однако совхозы не добрали в результате стихийного бедствия 11,9 тыс. ц ранних зерновых культур, 4,5 тыс. ц риса, 22,4 тыс. ц овощей и 20,6 тыс. ц картофеля. Только по ОРСам треста Приморскуголь и Приморской железной дороги погибло 372 га картофеля и 158 га овощей, а урожайность снизилась на 40%. Ко времени окончания массовых закупок поступило всего 8 171 т овощей, 1 081 т зелени и дикоросов, 201 т ягоды, что вызвало напряженное положение в системе общественного питания городов⁴⁹.

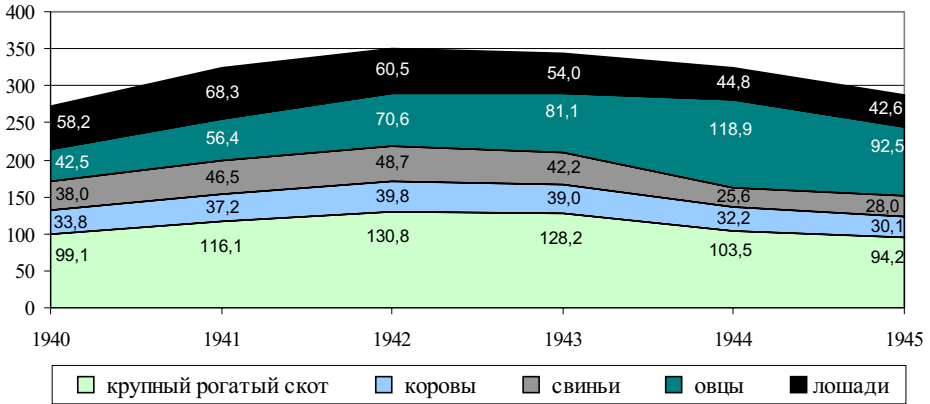
Несоответствие затрат сказалось на отдельных отраслях сельскохозяйственного производства. Объективно на Дальнем Востоке полеводство играло ведущую роль, но после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г. «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» была создана база для развития животноводства.

Поголовье скота увеличивалось. На 1 января 1941 г. в колхозах Хабаровского края насчитывалось 824 фермы крупного рогатого скота, 720 свиноводческих, 403 овцеводческих, 52 оленеводческих и 588 птицеводческих ферм. Только за два последних года войны было организовано 365 животноводческих и 584 птицеводческих ферм (364 колхоза имели по

три фермы) с закупкой свыше 20 тыс. голов скота и 65,6 тыс. штук птицы. В колхозах Приморского края перед войной имелось 1 227 животноводческих ферм, в том числе 484 молочнотоварных, 434 свиноводческих, 309 овцеводческих и 392 птицеводческих, а на начало 1944 г. 476 молочно-товарных, 425 свиноводческих, 430 овцеводческих 449 птицеводческих ферм, 6 племенных конеферм и 4 фермы по разведению лис⁵⁰.

Достигнутые результаты были фактически потеряны в военный период. В колхозах региона поголовье крупного рогатого скота, в том числе и коров, к концу войны сократилось в 1,2 раза, свиней и лошадей — в 1,6 раза, а численность овец и коз выросла в 1,6 раза. Резко сократилась численность лошадей в Приморском крае — более чем в 2 раза (только 9 тыс. было мобилизовано оборонным ведомством), и превысило региональные параметры сокращения крупного рогатого скота, свиней в Хабаровском крае.

Динамика состояния животноводства в колхозах Дальнего Востока в 1940—1945 гг. (тыс.)

Что касается данных показателей относительно других территориальных единиц, то здесь картина иная. С 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. в колхозах СССР поголовье крупного рогатого скота сократилось с 20 млн. до 15,9 млн., или в 1,3 раза, коров — с 5,7 млн. до 3,6 млн., или в 1,6 раза, свиней — с 8,2 млн. до 2,7 млн., или в 3 раза, овец и коз — с 41,9 млн. до 37,1 млн., или 1,1 раза. По тыловым районам сокращение было менее заметным. На конец 1941 г. и 1945 г. насчитывалось крупного рогатого скота соответственно 11,7 млн. и 10,5 млн. голов, включая 3,6 млн. и 2,8 млн. коров, свиней — 3,2 млн. и 1,4 млн., лошадей — 6,7 млн. и 4,5 млн., овец и коз — 31,7 млн. и 31,5 млн. голов⁵¹.

Изначально сравнительно маломощные совхозы Дальнего Востока не могли существенно повлиять на общее состояние животноводства в регионе. Они независимо от ведомственной подчиненности являлись комплексными, с почти повсеместным преобладанием зерновой специализации, и находились в стадии становления, так как большинство из них создавалось в конце 30-х годов XX в.⁵²

Судя по материалам, численность лошадей в совхозах Хабаровского края, резко уменьшившись в 1942 г. до 2678 голов против 3 236 в 1941 г., стабилизировалась с небольшим снижением к 1945 г. до 2434 голов. Крупный рогатый скот имел тенденцию к увеличению до 1943 г. (с 9 404 до

10 565 голов) и сократился в 1945 г. до 8569 голов. Значительные потери понесло поголовье свиней и составило к концу войны всего 915 голов против 2 963 в начале войны. Численность овец и коз также уменьшилась, правда, не очень значительно, всего с 1 669 до 1 377 единиц⁵³.

Как видно, поголовье продуктивного скота в регионе неумолимо сокращалось, но в менее значительных объемах. За относительным благополучием цифровых показателей скрывались явные просчеты. Посевные площади фуражных культур изначально планировались в минимальных размерах, а обеспеченность концентрированными кормами — только после выполнения планов поставок государству. Возместить их фактическое отсутствие в большинстве случаев грубыми и сочными кормами оказалось невозможно. Например, на одну условную голову скота в Приморском крае (в переводе на крупный рогатый скот) в начале зимовки 1943/44 г. приходилось всего 17 ц грубых кормов, в зимовку 1944/45 гг. — 25 кг, а в целом животноводство располагало не более 70% необходимых кормов.

Следует учесть, что на продовольственные нужды на Дальнем Востоке расходовались почти весь урожай картофеля и технических культур, а соя направлялась для переработки на Уссурийский комбинат им. Микояна. К слову, пищевая промышленность в регионе была развита слабо, и рассчитывать на ее отходы, особенно при недостатке транспортных средств, не приходилось. Рыбный жмых и мука, которые начали производить в годы войны, почти не находили применения, а травосеяние всегда происходило с отставанием.

Особенно тяжелое положение в животноводстве сложилось в 1943—1944 гг., когда по разным причинам только в Приморье потеряли более 136 тыс. голов скота. По далеко не полным данным, на 1 января 1945 г. в колхозах были истощены или имели уровень ниже средней упитанности 11% крупного рогатого скота, 19% свиней, 8% коз и овец. Отход по совхозам составил 28% крупного рогатого скота в 1944 г., в 1945 г. — 10%, лошадей соответственно 24,7% и 7,8% от общей численности⁵⁴.

За 1944 г. в колхозах пало 7,4 тыс. голов скота (приблизительно 13% от общей численности), 8,6 тыс. свиней (68%), 26,8 тыс. овец и коз (32%), 3,4 тыс. лошадей (17,7%). Падеж телят составил 2,1 тыс., или 17,9% молодняка, поросят 6,7 тыс., или 22,2%, ягнят и козлят — 11,5 тыс., или 42,5%, 343 жеребенка, или 20% молодняка. Одновременно было забито 6,9 тыс. крупного рогатого скота, 9,9 тыс. овец и коз, около тысячи свиней⁵⁵.

Значительные потери обуславливал и недостаток помещений, особенно в хозяйствах с государственной формой собственности. Большинство совхозов создавалось в конце 30-х годов XX в. в порядке разукрупнения или перепрофилирования при смене ведомственной подчиненности без соответствующей материальной базы. Она возводилась хозяйственным способом и не соответствовала объемам производства. Так, в совхозах Хабаровского края половина крупного рогатого скота и 13% телят совсем не были обеспечены помещениями и зимовку проводили в так называемых временках⁵⁶.

Близость Маньчжурии и Кореи, в которых наблюдались частые вспышки опасных заболеваний, создавала неблагоприятную эпидемиологическую обстановку на Дальнем Востоке. Запущенность зоотехнической и ветеринарной служб не позволяла быстро справиться с возникавшей опасностью. Приморье два года вело борьбу со вспышками чумы в девяти районах. Эпидемий не наблюдалось (возможно, данные просто

скрывались), но в 1944 г. более 33 тыс. животных были квалифицированы как заразные, из них погибло 10,8 тыс. голов⁵⁷.

Давая общую оценку развития животноводства, нельзя обойти вниманием соответствующие показатели по другим категориям хозяйств, но исчисления затруднены отсутствием базы данных. Автор попытается на основе доступной ему статистики выявить хотя бы общие черты.

Так, в Приморье на личном подворье колхозников численность крупного рогатого скота возросла с 36,4 тыс. в 1943 г. до 39,4 тыс. в 1945 г., превысив показатели 1940 г. на 2,2 тыс. голов. Рабочие и служащие также стали иметь больше скота по сравнению с предвоенным периодом: в 1940 г. насчитывалось 51,8 тыс. голов, в 1943 г. — 57 тыс., в 1945 г. — 63,5 тыс. голов. Аналогичная тенденция наблюдалась и по поголовью коров. В 1940 г. колхозники имели 20,5 тыс. коров, в 1943 г. — 25 тыс., в 1945 г. — 25,3 тыс. коров, а рабочие и служащие в те же годы соответственно 33,6 тыс., 38,6 тыс., 43,2 тыс. коров. Если суммировать данные других категорий хозяйств с аналогичной динамикой, то вырисовывается следующая картина. Удельный вес крупного рогатого скота колхозов упал с 33% в 1940 г. до 29% в 1945 г., в частных хозяйствах колхозников остался на прежнем уровне (23%), а вот у рабочих и служащих возрос с 32% до 36%⁵⁸.

Дальний Восток как ни один другой район страны имел ярко выраженную особенность. Это национальные районы с оленеводческой и звероводческой специализацией. На 1 января 1944 г. в Чукотском национальном округе насчитывалось 407,96 тыс. оленей, в том числе в совхозах — 20 тыс. голов, колхозах — 85,5 тыс., различных организациях — 2,78 тыс., у колхозников — 102,2 тыс. голов, у единоличников — 196,69 тыс., в хозяйствах рабочих и служащих — 779 голов. Поголовье оленей по Корякскому национальному округу на 1 января 1946 г. определялось в 169,2 тыс., из них в совхозах 63 тыс., в колхозах — 51,5 тыс., в личном пользовании колхозников — 41,5 тыс. и в других организациях — 13,2 тыс. голов. Оленеводство велось кочевым способом, не доставало кормовой базы, пастбищ, промежуточных баз; неудовлетворительным оставалось ветеринарное обслуживание⁵⁹.

К большому сожалению, динамические ряды носят отрывочный характер, но с большой долей уверенности можно предположить, что подобные процессы характерны для основных сельскохозяйственных районов региона. Животноводство особенно болезненно реагирует на различные потрясения и, как видно, конечные результаты в индивидуальном секторе были гораздо выше, чем в общественном производстве. Положение усугублялось еще и тем, что, стремясь любой ценой выполнить годовые планы поставки продукции, а возможно, в ожидании неблагоприятного развития военных событий в регионе, маточное поголовье скота было подорвано.

Таким образом, на Дальнем Востоке расширения товарного производства сельскохозяйственной продукции не произошло. Изменения в соотношении личного и общественного хозяйства предопределили их функции и значимость. Вопросы максимальной мобилизации продовольственно-сырьевых ресурсов и их наиболее рационального распределения приобрели военно-оборонительное значение. Ухудшение агротехники и резкое падение урожайности, усиление и без того максимальной напряженности подчеркивают некоторую нецелесообразность принятых социально-экономических установок по отношению к региону. Однако поскольку они осуществлялись за счет внутренних резервов, то это еще раз подтверждает огромные мобилизационные возможности страны перед лицом реальной угрозы. Несомненно, в сложившихся условиях это был

единственно возможный путь восполнения и приостановки дальнейшего сокращения сельскохозяйственного производства. По материально-технической насыщенности и энерговооруженности, объему производимой продукции дальневосточная деревня, впрочем, как и страна в целом, была отброшена назад.

- ¹ Территории, подвергшиеся оккупации, давали 52% валового сбора зерновых культур СССР, 86% сахарной свеклы, 72% подсолнечника, 70% картофеля, 61% льноволокна. Здесь производилось 56% мяса, 57% молока, 60% яиц, 37% шерсти. См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Стат. сб. М., 1990. С. 85, 86.
- ² Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX—XX вв.: Очерки истории. Владивосток, 1991. С. 243.
- ³ ГАХК. Ф. 719, оп. 18, д. 12, л. 1; Ф. П-35, оп. 2, д. 679, л. 190. Расхождения связаны с уровнем ведомственной отчетности административно-территориальных образований.
- ⁴ ГАПК. Ф. П-68, оп. 4, д. 10, л. 8, 8об., 9.
- ⁵ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 99, 101 (подсчит. авт.).
- ⁶ Там же. Ф. 131, оп. 1, д. 116, л. 13—19; ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 3, л. 1, 11, 12, 13, 14, 15, 16 (подсчит. авт.).
- ⁷ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 101 (подсчит. авт.).
- ⁸ Там же. Оп. 1, д. 116, л. 13—19; ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 3, л. 1, 11, 12, 13, 14, 15, 16 (подсчит. авт.).
- ⁹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 125.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 82, оп. 2, д. 536, л. 160.
- ¹¹ Там же. Ф. 17, оп. 122, д. 9, л. 106.
- ¹² Там же. Ф. 17, оп. 123, д. 475, л. 129.
- ¹³ РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 1462, л. 15об, 32, 32об, 46, 46об, 81, 81об.
- ¹⁴ Приморское краевое статистическое управление. Текущий архив. Д. 1, л. 4; ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 98. Л. 51, 52.
- ¹⁵ ГАПК. Ф. П-68, оп. 4, д. 10, л. 8; Д. 90, л. 33; Оп. 28, д. 290, л. 17.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 474, л. 13; Д. 475, л. 130, 131; ГАХК. Ф. П-35, оп. 1, д. 1683, л. 61—63.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 474. Л. 7, 12.
- ¹⁸ ГАПК. Ф. П-2541, оп. 1, д. 32, л. 22.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 474, л. 9; ГАХК. Ф. П-35, оп. 1, д. 1457, л. 64; Д. 1683, л. 61—63.
- ²⁰ ГАХК. Ф. 331, оп. 1, д. 44, л. 10; ГАПК. Ф. 26, оп. 1, д. 217-а, л. 82.
- ²¹ ГАПК. Ф. П-68, оп. 4, д. 135, л. 54.
- ²² РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 475, л. 129.
- ²³ ГАПК. Ф. П-68, оп. 34, д. 3, л. 66, 67.
- ²⁴ ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 98, л. 50—52.
- ²⁵ Приморское краевое статистическое управление. Текущий архив. Д. 1, л. 4 (подсчит. авт.).
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 474, л. 7; ГАХК. Ф. П-35, оп. 1, д. 2016, л. 4; ГАПК. Ф. П-68, оп. 6, д. 43, л. 8.
- ²⁷ Там же. Оп. 116, д. 170, л. 8.
- ²⁸ Карамышева Л.Д. Укрепление материально-технической базы сельского хозяйства Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950) // Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток, 1979. С. 66.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 122, д. 158, л. 114.
- ³⁰ ГАПК. Ф. П-68, оп. 6, д. 43, л. 8.
- ³¹ Там же. Оп. 4, д. 90, л. 30; Ф. 26, оп. 22, д. 14, л. 12; Д. 19, л. 28, 29; РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 473, л. 101, 102.
- ³² РГАСПИ. Ф. 82, оп. 2, д. 536, л. 169.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ГАПК. Ф. П-68, оп. 4, д. 135, л. 35, 36.
- ³⁵ ГАХК. Ф. 719, оп. 18, д. 2, л. 11 (подсчит. авт.).
- ³⁶ В 1940 г. трудоспособные мужчины выработали 312 трудодней, женщины — 193, подростки — 74, престарелые — 132 трудодня, в 1944 г. соответственно 344, 252, 103, 133 трудодня. См.: Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 93.
- ³⁷ В тыловых районах в среднем одним трудоспособным колхозником было выработано в 1940 г. 249 трудодней, в 1941 г. — 240, в 1942 г. — 262, в 1943 г. — 264, в 1944 г. — 274, в 1945 г. — 266 трудодней; Женщиной соответственно 194 трудодня, 187, 238, 244, 252, 244 трудодня. См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С. 137.
- ³⁸ ГАХК. Ф. П-35, оп. 1, д. 1457, л. 62; Ф. 353, оп. 9, д. 98, л. 33—45, 66; ГАПК. Ф. 26, оп. 22, д. 14, л. 14; Приморское краевое статистическое управление. Текущий архив. Д. 1, л. 5 (подсчит. авт.).
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. 82, оп. 2, д. 536, л. 161.

- ⁴⁰ ГАПК. Ф. П-84, оп. 1, д. 36, л. 14, 15; Ф. П-68, оп. 4, д. 135, л. 34.
- ⁴¹ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 66, 67.
- ⁴² История крестьянства СССР: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938—1945. М., 1987. Т. 3. С. 177.
- ⁴³ ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 98, с. 46—48.
- ⁴⁴ ГАПК. Ф. П-68, оп. 35, д. 20, л. 25.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 131, оп. 1, д. 116, л. 43.
- ⁴⁶ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С. 421—429.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 475, л. 132.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 88, д. 213, л. 6, 21, 50, 63.
- ⁴⁹ ГАПК. Ф. П-68, оп. 4, д. 90, л. 31; РГАСПИ. Ф. 17, оп. 88, д. 212, л. 10, 24.
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф. 4372, оп. 41, д. 199а, л. 104; ГАПК. Ф. П-68, оп. 4, д. 10, л. 9; Крестьянство Дальнего Востока СССР... С. 237.
- ⁵¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне ... С. 116, 137.
- ⁵² По крайней мере, из 21 совхоза зерноживотреста Хабаровского края только пять (Амурский, Восточный, Завитинский, Среднебельский, Биробиджанский) появились в момент организации совхозов в 1928/29 г. ГАХК. Ф. П-35, оп. 1, д. 1685, л. 85 об.
- ⁵³ ГАХК. Ф. 353, оп. 9, д. 98, л. 82 (в разработку включены 33—34 совхоза различной ведомственной подчиненности).
- ⁵⁴ ГАПК. Ф. П-68, оп. 6, д. 43, л. 9; д. 51, л. 90.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 26, оп. 22, д. 13, л. 7; Ф. П-68, оп. 34, д. 2, л. 22, 23; Д. 3, л. 36, 38; Д. 5, л. 65.
- ⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 123, д. 475, л. 111, 112.
- ⁵⁷ ГАПК. Ф. П-68, оп. 34, д. 3, л. 38; Д. 51, л. 104.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 510, оп. 3, д. 347, л. 2 (подчит. авт.).
- ⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 122, д. 136, л. 98; ГАХК. Ф. 719, оп. 18, д. 17, л. 190.

SUMMARY. “Agriculture Resources of the Far Eastern Region in the Years of War — 1941—1945” is the title of the article of Candidate of Historical Sciences G. Tkachova. The article deals with the contribution of the peasants of the Far East of the USSR in achieving the victory in the war.